

проследить конкретные параллели с творчеством великого русского сатирика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акунин Б. Сказки для идиотов // <http://www.akunin.ru/knigi/prochee/skazki/>
2. Акунин Б. «Акунин пера» / Беседу вёл Л. Парфёнов // Русский Newsweek. – 2005. – № 4. – С. 6.
3. Головина Т. Н. «История одного города»: продолжение следует... // Щедринский сборник / Под ред. Е. Н. Строгановой. – Тверь: Золотая буква, 2003. – Вып. 2. – С. 9–38.
4. Курицын В. Русский литературный постмодернизм // <http://guelman.ru/slava/postmod/9.html>
5. Разговор писателя Григория Чхартишвили (Б. Акунин) с Михаилом Ходорковским // <http://www.echo.msk.ru/blog/>
6. Сафронова Л. Художественный образ-стереотип и проблема авторства // <http://www.filologija.vukh.ru>

УДК 821.161.1.09-1+929Пушкин+929Гумилёв

С. В. Пушкарёва

МОТИВ ОЧИСТИТЕЛЬНОЙ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА И Н. С. ГУМИЛЁВА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В статье исследуется мотив любви в творчестве Н. С. Гумилёва. Автор сравнивает воплощение мотива очистительной любви в произведениях поэта Серебряного века и А. С. Пушкина и находит много общего в понимании любви как гармонизирующего начала, противопоставленного идее греховности, страсти, мотивированной «тёмным» в человеке.

Ключевые слова: творчество, поэзия, мотив любви, концепт, сакральность.

«Сердце поэта не может не любить. Ибо где нет любви, нет и истины», – таков, по мнению С. Л. Франка, завет А. С. Пушкина [18: 89]. Николай Гумилёв был «влюблён всегда: в поэму, в женщину, иль в запах» [3: 379]. Это особое состояние души В. С. Соловьёв назвал материалом гения. По его словам, «духовная энергия творчества есть превращение энергий чувственной души» [16: 342]. В терниях любви, страстной и очищающей душу, лирический герой обретает полноту знания о мире. Из ветреного увлечения любовь может превратиться в пагубную страсть, терзающую совесть героя, но может явиться и целительной, жизнотворной силой, очищающей душу.

Оппозиция любви как очищающей силы и любви-страсти, светлого и тёмного начал в лирике А. С. Пушкина и Н. С. Гумилёва обозначена, в частности, рядом определённых образов-символов. Как и пушкинский «лю-

бимец ветреных Лаис» [14: 236], вдохновлённый юными «прелестницами», герой ранней лирики Н. С. Гумилёва часто восславляет страсть и упивается ею («Царица», «Любовники») [3: 113,138]. Скоро, однако, приходит мучительное осознание неистинности, греховности таких увлечений: образы «царицы беззаконий», «девушек-колдуний» тускнеют пред ликом Мадонны. «Ты ль в Моём не клялся храме – // Перед статуей Мадонны, – // Что ты будешь верен даме, // Той, чьи взоры непреклонны?» [3: 154]. Герой нарушил клятву, и горько его раскаяние: «Но, печальный и усталый // Он припал к ногам Мадонны: // – Я нигде не встретил дамы, // Той, чьи взоры непреклонны» [3: 154].

«Порывами юности мятежной» обусловлено было чувство смятения, надрыва, внутренней тревоги лирического субъекта многих пушкинских стихотворений начала 20-х гг. XIX в. Эти произведения носят характер философских медитаций («Души беспечное незнание», «Надеждой сладостной младенчески дыша» и др.) [14: 271]. В душе лирического героя разлад и раздвоенность, страстная любовь мыслится невечной («Придёт ужасный час...»). В это время (летом-осенью 1823 г.) Пушкин испытывал духовный кризис [1: 90–91]. Очень скоро на фоне изменений в мировосприятии поэта в интимной лирике под воздействием чувственных впечатлений происходит новое осмысление любви как целительной, очищающей силы. Сильные, искренние чувства лирического героя сопряжены со страданием: «Мой милый друг, не мучь меня, молю, // Не знаешь ты, как сильно я люблю //, Не знаешь ты, как тяжко я страдаю...» [14: 271]. Этот, «страданием и любовью купленный, опыт души» несёт герою очищение [5: 191].

Смятение в душе лирического героя сменяется ощущением живительной силы любви («Ночь»). И пушкинский Онегин, «в первой юности своей» томимый «жаждой сильных впечатлений», стал «жертвой бурных заблуждений и необузданных страстей» [1: 92]. Если Онегин уже устал от забот мятежных и «разврата пламенных страстей» («В красавиц он уж не влюблялся, // А волочился как-нибудь... Откажут: рад был отдохнуть»), то Ленский вовсе «не славил сетей сладострастья». По мнению исследователей, зимой 1823 и осенью 1824 гг. А. С. Пушкин, работая над романом, исключил эти строки в силу их чрезмерной автобиографичности [1: 50–52]. «Пустая красота порока // Блестит и нравится до срока // Пора проступки юных дней // Загладить жизнью моей», – заключил поэт [1: 130, 136].

В лирике Н. С. Гумилёва галерею портретов ветреных любовников продолжают «белый воин», который вывез и покинул темнокожую красавицу жену вожда, «дочь властительного Чада» [3: 122], Дон Жуан и многие другие герои. Но вот героиня оставляет героя («Пятистопные ямбы»), и уже он, «в тоске безумных сожалений», горестно восклицает: «Я проиграл тебя, как Дамаянти // Когда-то проиграл безумный Наль...» [3: 250].

Герою близко ощущение внутренней значимости происходящего. Любовь осознаётся им как событие духовного опыта. Постепенно к нему приходит «умение увидеть в красоте внешней красоту внутреннюю», духов-

ную. И теперь его призыв полон самоотречения: *«О тебе, о тебе, о тебе // Ничего, ничего обо мне...»* [3: 291].

Столь же глубоким ощущением жизнетворческой силы любви проникнута любовная лирика А. С. Пушкина 1828–1830 гг. Страстное чувство осмысливается лирическим героем не как отрицательное, греховное начало, но как открытое искреннее выражение эмоций, чувств пылкого сердца («Портрет», «Наперсник», «Счастлив, кто избран своенравно...») [14: 508–510]. Оппозиция любви – очистительной силы и любви – греховной страсти таким образом нейтрализуется. Её сменяет «антиномическая гармония Пушкина», ощущение полноты связи с прекрасным миром, исполненным гармонии и любви. Любовная тоска, томление, ранее вызывавшие смятение, надрыв в душе лирического героя, теперь ощущаются как одухотворённая грусть, светлая печаль («Не пой красавица при мне...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Что в имени тебе моём...» и др.). В ряде стихотворений этого периода («Для берегов отчизны дальней...», «Что в имени тебе моём...» и др.) А. С. Пушкин обращается к возлюбленным прошлых лет. Чувства его героя полны светлой, проникновенной грусти. В стихотворении «Для берегов отчизны дальней...» (написано в память А. Ризнич 27 ноября 1830 г.), лирический герой ощущает душевную близость со своей любимой и после её смерти, любовь преодолевает временную конечность бытия, обретая вечность: *«Твоя краса, твои страданья // Исчезли в урне гробовой, // А с ними – поцелуй свиданья, // Но жду его, он за тобой»* [14: 585].

Концепция очистительной любви реализована с опорой на систему образов, семантику которых отличает широкий символический потенциал. В стихотворении «Что в имени тебе моём...» [14: 561] имя как концепт выражает некую сакральную сущность, обладающую огромным энергетическим потенциалом. Произнесённое имя вызывает чувственное воспоминание лирического героя [8: 789]: героиня, может быть, произнесёт его имя, «в дни печали в тишине» подобно тому, как молящийся призывает Бога.

Концепт имени в стихотворении обретает статус символа. Любовь при этом трактуется как фактор внутреннего опыта. Лирический герой оставляет возлюбленную жить в сердце, а душой открывается светлomu ангелу – Мадонне. Искание лирическим героем божественной Красоты, силы спасающей, неиссякаемого источника чистоты и святости, особо означено в стихотворениях «Я помню чудное мгновенье...» и «Мадонна». «Стихи эти обитают рядом в сущностном пространстве бытия и глядятся друг в друга, находясь очевидно в близких точках спирали, растущей вверх» [11: 174].

Душа лирического героя открывается любви. Символы рождаются во всплеске чувств героя. Любимая является ему как «гений чистой красоты» [14: 412], *«чистойшей прелести чистойший образец»* [14: 425]. «Законы красоты находятся внутри души человеческой»: «красота в мире выражает высшие истины, возводит к ним душу и сердце человека, зовёт его в мир истинного бытия. Любовь же по существу своему устремлена к прекрасному образу» [2: 50–52, 57]. Любовь не мимолётное увлечение. Она вызывает

духовный подъём всего существа: *«душе настало пробуждение»* [14: 412]. Лирический герой ощущает светлую, вдохновляющую, воскрешающую силу любви. В миг явления героини совершается «очищение» героя. *«И божество, и вдохновенье, // И жизнь, и слёзы, и любовь»* [14: 412] способствуют духовному просветлению героя, открывают ему таинственную сакральность «чудного мгновенья» [17: 180].

Лирический герой А. С. Пушкина, созерцая «небесные черты» героини, видит в ней Мадонну, Пречистую, ниспосланную Творцом, он желает «вечно» быть *«зрителем одной этой картины»* и таким образом достигает бессмертия [14: 568]. В пушкинской «Легенде» сама Дева Мария впускает в Царство Вечное влюблённого в неё паладина, сердечно заступившись за него перед Господом [1: 175–176]. Лирический герой Н. С. Гумилёва видит любимую *«молнией слепительно господней»* и той, у кого *«за плечами ослепительный свет»* [3: 361]. В портретных чертах её слиты образ Св. Софии и лик индийской богини любви Лакшми, *«в белой одежде»* восседающей на цветке лотоса *«с хрустальной сферой в перстах»* [3: 361]. Судьба героя во власти этой светлой богини.

Теургическое восприятие сущности любви, сакральность образного ряда «красота – чистота – божественность» отличают символику стихотворений Н. С. Гумилёва периода «Огненного столпа». С помощью очистительной, житнетворной энергии любви лирический герой стремится к духовному преодолению смерти. Любовь понимается как спасительная сила. Пушкинская Машенька Миронова своей чистотой и искренностью спасает Гринёва. Она борется за своё счастье, и эта борьба лишена эгоистического начала [9: 85]. О светлом образе Машеньки вспоминает лирический герой «Заблудившегося трамвая». Как бы «пролетая свой жизненный путь», он молится о бессмертной душе Машеньки – символу его спасения. Лирический герой провидит в героине образ Богородицы, земное воплощение богородичного начала бытия. По мнению Вяч. Вс. Иванова, в поздний период творчества Н. С. Гумилёв ближе всего традиции А. А. Блока [4: 400]. Ожесточённо полемизируя с ним, Н. С. Гумилёв, тем не менее, подхватывает тему раннего А. А. Блока, певца Прекрасной Дамы и Вечной Женственности.

Творчество А. С. Пушкина, призвание которого, по словам И. А. Ильина, «состояло в том, чтобы *принять душу русского человека во всей её глубине, во всём её объёме* и оформить, *прекрасно оформить её...*» [6: 47], стало для Н. С. Гумилёва явлением гармонически завершённой формы, «прекрасной ясности», положенной им в основу эстетики и поэтики задуманного акмеизма. «Пушкин – царственная душа», «солнечный центр нашей поэзии» [6: 30], а «каждое дыхание Н. Гумилёва молится солнцу» [4: 351]. Без светлых, добрых чувств немиссия художника, «тайновидца и тайнотворца истинной Реальности» [5: 180], немиссия творчество как процесс теургический. Любовь – путь соединения человека с Богом и сущность Божия. В поздний период творчества таких разных поэтов, как А. С. Пушкин и Н. С. Гумилёв, отличает высокая духовная настроенность любовной лирики, теургическое восприятие сущности любви и следование

идее триединства Красоты, Чистоты и Святости, сакрализация женских образов. Реальный женский образ в контексте стихотворений обретает духовную значимость и даже в некотором смысле «теократическое», мистическое могущество, божественную власть над судьбой лирического героя. «Странствие духа», духовный поиск избавляет героя от «разврата пламенных страстей», «огня мятежных заблуждений», «безумных слов перед царицей беззаконий», сумрачности и томления духа и приводит к осознанию в человеке, любимой – образа Божьего, божественного Провидения и заступничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Б. А. Духовный путь Пушкина. – М.: Sam & Sam, 1994. – 300 с.
2. Вышеславцев Б. П. Этика преображённого Эроса. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
3. Гумилёв Н. С. Стихи, поэмы. – Тбилиси: Мерани, 1989. – 494 с.
4. Гумилёв Н. С. Pro et contra. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1995. – 672 с.
5. Иванов В. И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
6. Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 6. – Кн. II. – С. 37–69.
7. Ильичёв А. В. Образы-символы в лирике А. С. Пушкина 1830-х гг. – М.: Наука, 1990. – 298 с.
8. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1990. – 960 с.
9. Макогоненко Г. П. Творчество Пушкина в 1830-е годы. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отд., 1974. – 376 с.
10. Мурьянов. М. Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. – М.: Наследие, 1996. – 280 с.
11. Непомнящий В. Е. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. – М.: Советский писатель, 1987. – 447 с.
12. Панкратова О. В. Эволюция образов-символов в поэтическом наследии Н. С. Гумилёва. – М.: Наука, 1997. – 197 с.
13. Пигулевский В. О., Мирская Н. М. Символ и ирония. Опыт характеристики романтического мирозерцания. – Кишинёв: Штиинца, 1990. – 165 с.
14. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под ред. М. А. Цявловского. – М.: Academia, 1936. – Т. 1. – 828 с.
15. Раскина Е. Ю. Пространство России в поэтической географии Н. С. Гумилёва // Русская литература. – 2001. – № 2. – С. 34–41.
16. Соловьёв В. С. Значение поэзии в стихотворениях А. С. Пушкина // Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика : сб. статей. – М.: Искусство, 1991. – С. 311–320.
17. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т. В. Цивьян. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.
18. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. – М.: Согласие, 1999. – 178 с.
19. Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. – М.: Изд-во ИМЛИ им. А. М. Горького, 1951. – 897 с.